

УДК [338.48 : 615.838] (477)

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

e-mail: rodnov@ufacom.ru

ПОМОЩЬ ИЗ ЯЛТЫ (СБОР СРЕДСТВ ГОЛОДАЮЩИМ ПОВОЛЖЬЯ В 1898–1899 ГОДАХ)

Аннотация: во время сильного неурожая 1898 года в Ялте организовали сбор денег в помощь голодающим. С инициативой выступил поселившийся здесь знаменитый писатель Антон Павлович Чехов. Самые разные жители Ялты, бедные и богатые, русские, греки, крымские татары отдавали деньги, которые отправлялись в Казанскую, Самарскую и Уфимскую губернии. Благодаря поддержке крымчан были спасены тысячи жизней. Очень большую роль в сборе пожертвований играла ялтинская газета «Крымский курьер», которая стала центром благотворительной деятельности.

Ключевые слова: Крым, Ялта, благотворительность, неурожай, голод, 1898 год, Среднее Поволжье, Антон Павлович Чехов

Rodnov Mikhail Igorevich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

e-mail: rodnov@ufacom.ru

HELP FROM YALTA (COLLECTING FUNDS TO THE VOLGA REGION IN 1898-1899)

Annotation: During a strong crop failure of 1898, in Yalta organized a fee to help the starving. The famous writer Anton Pavlovich Chekhov settled here with the initiative. The most diverse residents of Yalta, poor and rich, Russians, Greeks, Crimean Tatars gave money, which went to the Kazan, Samara and Ufa provinces. Thanks to the support of the Crimeans, thousands of lives were saved. A very large role in collecting donations was played by the Yalta newspaper Crimean Courier, which became the center of charitable activity.

Keywords: Crimea, Yalta, charity, crop failure, hunger, 1898, the Middle Volga region, Anton Pavlovich Chekhov.

Столица Южного берега Крыма – Ялта стала бурно развиваться в самом конце XIX в. Отбывавший ссылку в Уфе в 1880-е гг. и оставивший увлекательные воспоминания врач и писатель-народник Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) так рассказывал о любимом уголке.

«Ялта была в то время тихая, укромная, уютная. Налетал, как вихрь, так называемый, "бархатный сезон", продолжавшийся с половины августа до половины октября старого стиля, когда съезжались богатые люди, в особенности купцы по окончании Нижегородской ярмарки, люди, не знавшие счёта деньгам, занимавшие лучшие гостиницы, заполнявшие городской сад, куда специально для бархатного сезона приглашались первоклассные оркестры. Оживали на короткое время окрестности Ялты – Алупка, Гурзуф, оживлялась ялтинская "промышленность", не знали отдыха официанты, всю работу ялтинские извозчики, носились кавалькады проводников и дам.

Вихрь кончался, и становилось тихо в Ялте. При мне начал развиваться весенний сезон, когда также стала приезжать богатая публика, – самый красивый благоухающий сезон, когда ярко цвела и сладко пахла роскошная растительность Южного берега, – но и этот сезон продолжался не долго, – люди приезжали на пасху, жили две-три недели и опять уезжали». С октября в Ялту приезжали больные туберкулёзом [Елпатьевский: 236, 237].

Расцвет города чётко отразила ялтинская пресса с 1898 г., когда газета

Н.Р. Лупандиной «Ялта», которая в 1897 г. даже не всегда выходила в большом формате, со 2 августа превращается в роскошное издание «Крымский курьер» с претензией стать рупором всего ЮБК. Журналисты внимательно собирали новости, в № 24 сообщалось о приезде в Ялту А.П. Чехова и И.К. Айвазовского. А в номере за 20 октября 1898 г. «курьер» информировал: «Ант. Павл. Чехов приобретает в Ялте недвижимое имущество и поселяется здесь на постоянное жительство. Также точно поселяется в Ялте Серг. Як. Елпатьевский». Вслед за дворянами, на ЮБК устремились массы самого разнообразного народа, включая многих известных писателей.

Успешные литераторы имели средства, но купили землю в разных частях Ялты. С.Я. Елпатьевский приобрёл участок на Дарсановской улице, 28 у подножия холма Дарсан, где был выстроен двухэтажный домик на 10 комнат с двумя террасами и садом (совр. адрес: ул. Леси Украинки, 12). Там действовал пансион (данные на 1901, 1913 гг.). Елпатьевский сдавал комнаты отдыхающим и сам здесь проживал [Краснолуцкий: 588].

Антон Павлович же выбрал участок на окраине Ялты, при деревне Верхней Аутке (800 кв. саж. за 4 тыс. руб.), где по проекту архитектора Л.Н. Шапошникова в 1899 г. возвели, так называемую, «Белую дачу» (совр. адрес: ул. Кирова, 112а). Здесь жили Чеховы, затем возник мемориал [Там же: 571]. Вспоминая Чехова в Ялте, Сергей Яковлевич отмечал, что он «дом свой устроил по своему вкусу, уютный, с маленькими комнатами. Мы начали строиться почти одновременно. Он дразнил меня, называл мой дом, высоко на горе над Ялтой, откуда открывался великолепный, единственный вид в Ялте на море и на горы – "Вологодской губернией", а я называл его место – "дыра". Мне не нравилось выбранное место в дальней части неопрятно содержавшейся Аутки, в ложбине у пыльного шоссе, но у Чехова было уютнее и интимнее, в особенности, когда рассадил он свой прекрасный садик, и пустынное место стало обжитым, забегали по садику две ласковые собачки и торжественно зашагала по двору цапля» [Елпатьевский: 264].

Новые ялтинские обитатели с энтузиазмом включились в здешнюю

общественную жизнь, одним из центров которой была печать – газета «Крымский курьер». В мемуарах Елпатьевского есть интересная сноска: «Одно время мы впятером вздумали взять в свои руки местную газету. Участвовал и Чехов. Но работать пришлось только мне и Бесчинскому, а мне притом на два месяца уезжать зимой в Петербург. Дело не пошло» [Там же: 251].

Стремление литераторов обзавестись своим печатным словом было не случайно. Ялта становилась столицей курортной жизни всей России, массы отдыхающих желали иметь свежие новости, не довольствоваться привезёнными по железной дороге позавчерашними столичными газетами. И энергичная редакторша Надежда Рафаиловна обеспечивала ялтинцев и гостей города широкой палитрой актуальной информации, которая поступала по телеграфу, от собственных журналистов и корреспондентов, читателей. Ялтинский «Крымский курьер» стал газетой общероссийского масштаба и живо откликался на важнейшие события в стране.

Когда в конце 1898 г. засуха поразила Среднее Поволжье, Антон Павлович Чехов откликнулся на просьбу служившего в Самаре народника и публициста Александра Степановича Пругавина (1850–1920) и начал широкую кампанию по сбору средств для помощи голодающим. Заметки А.П. Чехова в «Крымском курьере» за 1898 г. в №№ 89, 100, 110, 117 вошли в собрание сочинений писателя [Чехов: 365–371]. В номере 114 также вышла статья Чехова.

Самый широкий круг ялтинской общественности горячо откликнулся на призыв о помощи голодающим Самарской и Казанской губерний. А «Крымский курьер» непрерывно печатал заметки А.П. Чехова, где указывались имена жертвователей. Зимой 1899 г. публикации писателя выходили в номерах 1, 4, 11, 15, 28, 55, 61, 66, 79 [Там же]. Деньги вносили интеллигенция, ялтинские домовладельцы, отдыхавшие, простые жители, даже дети. Например, «жилцами и прислугой дома Ярцева собрано 45 руб., которые отосланы в с. Елань, Лаишевского уезда, Казанской губ., на имя председателя Еланского попечительства о. М.Н. Ивановского» [Крымский курьер. 1899. № 69. 27

марта].

В апреле 1899 г. Антон Павлович покидает Крым. «В субботу из Ялты выехал в Москву, а затем в своё имение "Лопасня" в этой же губ., А.П. Чехов. А.П. приедет в Ялту в июне месяце» [Там же. 13 апреля]. Но помощь ялтинцев голодающим не прекратилась. Продолжался сбор пожертвований, деньги направлялись в Казанскую губернию на устройство столовых лицам, стоявшим во главе благотворительных организаций, информация непрерывно печаталась в «Крымском курьере» (№ 81, 82, 83, 85, 86, 88, 91 и др.). Антон Павлович следил за общественной инициативой, он переслал письмо в Москву из Казанской губернии (№ 95). Немало крымских татар, мусульман жертвовало средства для спасения от голодной смерти.

Летом 1899 г. ситуация в Поволжье нормализовалась и руководители благотворительных организаций, получавших все эти месяцы помощь из Крыма, стали присылать отчёты. В июне в Чистопольском уезде Казанской губернии закрывает столовые Е.С. Габай [Там же. 10 июня]. Большие письма с благодарностью ялтинцам присылают А.П. Комарова из дер. Молоствовка и Н.И. Юшкова из Лаишевского уезда Казанской губернии [Там же. 6 августа]. Первая потом напечатала отчёт о работе в Спасском уезде (№ 215), заметки о борьбе с голодом появлялись до конца 1899 г. (№ 166, 277). В этих статьях не только благодарили крымчан за поддержку, но и приводили финансовые отчёты о расходовании средств, рассказывали о ситуации в пострадавших от засухи местностях.

Неурожай поразил и самый западный в Уфимской губернии Мензелинский уезд (современный восточный Татарстан), заметки оттуда тоже публиковались в «Крымском курьере» (83, 91, 99, 102). Здесь помощью голодающим руководили приехавший князь Сергей Иванович Шаховской (1865–1908), сосед Чехова по Мелихову, общественный деятель Серпуховского уезда, и Лидия Владимировна Лепёшкина (урожд. Горбунова, супруга князя С.И. Шаховского, 1862 г. р., переводчик). Князь писал Чехову из Мензелинска: «Ялта и Таганрог, благодаря Вашим указаниям, наградили нас большими

суммами», а сам Антон Павлович телеграфировал: «Деньги пошлите Мензелинск князю Сергею Ивановичу Шаховскому» [Чехов: 562, 563].

Ялтинский «Крымский курьер» не жалел газетной площади и в сообщениях из Поволжских губерний находим интереснейшие описания народного быта, тем более, что авторы сами были причастны к литературе, как впрочем и ялтинские журналисты. Например, 18 марта 1899 г. Л.В. Лепёшкина отправила письмо, а по сути целое исследование в Ялту. Под заголовком «На месте голода» фрагменты вышли в номере «курьера» за 7 апреля 1899 г.

Речь в заметке идёт об Альметь-Муллинской волости Мензелинского уезда, лежавшей южнее Мензелинска. «...15 марта мне пришлось ехать с кн. С.И. Шаховским в Альматьмуллино (той-же волости), чтобы составить списки и открыть здесь столовую. Приехали и, как всегда, направились к мирской избе. Около неё толпилась масса народу. Мы этому не удивились, так как татары и башкиры – народ чрезвычайно общественный, и их постоянно можно видеть толпами на улице, где они ведут беседу о своих различных делах. Но когда мы вышли из саней и, едва пройдя через толпу, хотели проникнуть в избу, то это оказалось почти невозможным: сени были просто битком набиты народом, а дверь изнутри заперта. На наши вопросы нам ответили, что "дохтур" принимает. По его распоряжению, дверь заперли, чтобы больных могли впускать небольшими партиями. Доктор приехал из соседней деревни, по неотступной просьбе "мира"; селение было большое, больных масса, поэтому, чтобы не терять времени, доктор велел приводить и приносить всех больных прямо в избу. В этой же мирской избе нам надо было начать опись; поэтому пришлось ожидать окончания приёма.

Когда мы, наконец, вошли в избу, – тяжёлый, невыносимый воздух, переполненный едким запахом кизяку, охватил нас. И – Боже! – не забыть нам никогда картин, которые пришлось здесь увидеть! Цынга была в полном разгаре в этом селе... Предо мной мелькали несчастные больные, и я видела опухшие лица и ноги, кровавые раны на дёснах, ногах, на всём теле. Одни больные шли сосредоточенно, точно видя пред собой призрак смерти и утратив

всякую надежду на спасение, другие стонали, – глухо стонали и от голода, и от боли... Проходили пред мной и целые семьи, поражённые этой болезнью. Одну старуху принесли на подушках, одну женщину муж принёс на спине. Но всего ужаснее это – мертвенные лица детей, без выражения, апатичные... Детишки так ослабели, что когда их сажали на стул перед доктором, они беспомощно опирались головой о стоящих около них мужиков. Что мог сделать здесь доктор? Он наскоро осматривал больных всё одной и той же болезнью, осматривал дёсны и ноги, давал лекарства, а иногда чай, сахар и деньги – от 10 до 50 к. из средств, отпускаемых "Красным Крестом" для усиления питания больных. И после осмотра их "волокли" или уносили обратно. Наконец, приём окончился, но потому, что лекарств больше не было. На другой день оказалось, что больных столько же, сколько уже перебивало у доктора. Многие женщины стеснялись мужчин и не явились на приём. Многие не могли пешком добраться до избы, а на лошади ехать невозможно, так как они совершенно обезсилили от голодовки и не в состоянии возить.

Под гнетущим впечатлением пришлось нам открыть сход и приступить к переписи. Здесь выяснилось, что село делится на две части – в одной живут башкиры, в другой – тептяри (те же башкиры, но поселившиеся здесь позже первых)¹. Между собой они находятся в сильной вражде, что вполне объясняется порабощением тептярей башкирами, которые их эксплуатируют. Пришлось открыть, поэтому, две столовые у башкир, две у тептярей и одну – смешанную. С последней было очень много хлопот, так как и те, и другие не хотели выбрать "столовщика" из противной партии. Несмотря на совместную жизнь, разница между башкирами и тептярями очень велика: первые гораздо развитее, что видно было и потому, как вёл себя "мир", и зажиточнее, если можно говорить здесь о зажиточности. Почти вся тептярская сторона без крыш. Я очень торопилась составлением списка и поэтому продержала всех до 10 час. веч. с тем, чтобы на другой день возобновить свои занятия. Несмотря на то, что

¹ Деревня Альметь-Муллино (Старый Альмет) состояла из общин вотчинников башкир, (168 дворов в 1912 г.) и припущенников (бывших арендаторов) тептярей (151 двор).

и они все страшно утомились, всё же они "жалели" меня и горячо благодарили. На другой день к вечеру удалось открыть столовую. Вместе с кн. С.И. Шаховским, который вернулся из поездки за хлебом, мы пошли в столовую, где занесённые в список ели свою "шупшу"; это – род кашицы из пшена, гороха, сала с луком и перцем (лук и перец – хорошее противоцинготное средство). И я была растрогана до слёз той радостью, которой вспыхнули эти потухшие глаза, когда проголодавшимся и изстрадавшимся подали "шупшу". В первый день ещё не успели испечь хлеба, а потому мы объявили, чтобы столующиеся запаслись своим хлебом. Но – увы! – никто не принёс даже крошечного ломтя, потому что дома хлеба ни у кого не оказалось.

В одной из столовых спросили наши имена, чтобы молиться за нас. Кн. С.И. Шаховской ответил: "молитесь за всех жертвователей!" Все повернулись к востоку и начали шептать слова молитвы. И всё было так искренно ... так просто. И затем при прощании ко мне протянулись все эти худые, жёсткие руки.

Может быть, они потому так горячо благодарили нас, что существующая здесь столовая "Красного Креста" кормит каждого человека через три дня в четвёртый. От ямщика крестьяне узнали, что мы не служим и не получаем ни жалованья, ни наград, приехали из далёкой Москвы, потому что "жалеем" их. Долго они не верили: как это так – и жалованья нет, и наград не будет? Но потом, поверив, они стали обращаться к нам вдвое доверчивее и лучше. Вероятно, это обстоятельство также отразилось на характере и способе выражения их благодарности нам.

...С первых же моментов моего пребывания здесь я слыхала, что башкиры в общем обращаются с детьми не особенно хорошо. Мне рассказывали случаи, когда отцы и матери отнимали хлеб, данный детям... До чего только не доводит голод! Мне самой пришлось наблюдать такую сцену. Вхожу в избу. Только у окна на широких нарах – двое детей, 4 и 3 лет. Через переводчика спрашиваю, где же отец с матерью. Оказывается, что они ушли обедать в столовую, а старшего (!) мальчишку оставили караулить избу. Я

спросила его, хочет-ли он есть. Мальчишка расплакался и сказал, что мать обещала взять его завтра с собой ашать (кушать). Конечно, мы принимаем все меры, чтобы дети были сыты. Но встречаются сцены и в совершенно противоположном духе.

В столовую отец привёл трёх девочек, что называется, мал-мала-меньше. Надо было видеть блаженное выражение лиц – иначе не могу выразиться – этих девчушек, степенно подносящих ложку ко рту и с наслаждением вылизывающих её до капли. Отец с умилением смотрел на своих детей и дрожащими руками всё время гладил их по голове. Прощаясь со мной, он пожал мне руку...

...Самое ужасное впечатление произвёл на меня обход с. Муслимова². Село громадное. Есть в нём богачи, но большинство, – голь, настоящая голь. Живут в конурах, туда надо не входить, а пролезать... Стёкол в рамах нет – затянуты пузырьём. Пол земляной, скользкий. Грязно. Воздух спёртый, удушливый. На нарах лежат сплошь и рядом голые, совершенно голые, едва прикрываясь рогожей... Лица просто ужасные, один лежал весь синий, в безпамятстве; изо рта сочилась кровь, ноги в ранах... От столовых несчастные отказываются: и идти не в чем, да и сил нет...

...И в заключение, опять скажу: денег, денег и денег!» И деньги непрерывным потоком поступали из Ялты и окрестностей, крымские энтузиасты и благотворители по инициативе Антона Павловича Чехова несли трудовые рубли и копейки. На эти деньги в Поволжье покупались хлеб и другие продукты, открывавшиеся столовые спасали тысячи людей от голода и болезней. А ялтинские дачники читали «Крымский курьер», несли в редакцию деньги, Южный берег Крыма помогал своей России!

Список литературы и источники:

1. Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984. 360 с.

² Деревня Муслимово (Варяш) входила в соседнюю Ирехтинскую волость Мензелинского уезда (государственные крестьяне и припущенники, башкиры).

2. Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма: История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб.: Изд-во Крига, 2020. 1112 с.

3. Крымский курьер (Ялта), газета.

4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 16. 1881–1902. М.: Наука, 1979.